

признать удачным, что под рубрикой «Обрядовая поэзия» соединены поэзия календарная и свадебная, тогда как причитания показываются отдельно, как будто это не обрядовая поэзия. Или всю обрядовую поэзию надо объединить в одну рубрику, или разбить ее по жанрам. Повторные издания указаны непосредственно под обозначением первого издания. Это во многих отношениях очень удобно, но вместе с тем это нарушает хронологический принцип расположения материала. Тот, кто захочет изучать историю фольклористики по годам, не увидит, в какие годы что переиздавалось. Хорошо было бы восполнить этот пробел путем отсылок.

Выше говорилось, что одно из достоинств данной библиографии — ее тяготение к полноте. Вместе с тем в предисловии говорится: «Из газетных публикаций взяты только крупные статьи и рецензии». Вряд ли автор книги действительно считает, что размеры работы могут служить критерием для отбора. Хотелось бы видеть более точную формулировку этих критериев.

Книга открывается краткой вводной статьей А. М. Астаховой; в очень сжатом изложении здесь намечены основные вехи развития советской фольклористики после Великой Отечественной войны. Очерк этот полезен и интересен. Трудно, однако, согласиться с окончательным выводом автора, что «издаваемый библиографический указатель в какой-то мере выявит слабые участки в развитии советской фольклористики на данном этапе и тем самым поможет преодолеть отставание». Нам кажется, что указатель, наоборот, говорит о чрезвычайно интенсивной и очень плодотворной работе советских фольклористов. Конечно, в нашей науке, как, впрочем, и в других науках, далеко не все равноценно. Но из года в год можно говорить о количественном и качественном росте изданий. Библиографический указатель с несомненностью показывает, что наука о народно-поэтическом творчестве находится на подъеме и приближается к расцвету. Необходимо, чтобы том, посвященный предыдущему периоду, вышел скорее и чтобы впредь такие библиографические обзоры издавались ежегодно.

В. Пропп

Р. М. Касимова. *Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (В связи с изучением этногенеза азербайджанского народа)*. Баку, 1960, 134 стр.

Материалы по антропологии современных народов Кавказа чрезвычайно обширны и охватывают почти все этнические группы, проживающие на территории Кавказа в настоящее время. Исключение составляют лишь отдельные народности горного Дагестана. Однако интерпретация всех этих материалов и их широкое использование в исследованиях по древней истории и этногенезу затрудняются фрагментарным состоянием палеоантропологических данных. Поэтому любая работа, вводящая в научный оборот новый материал по палеоантропологии Кавказа, приобретает особый интерес.

Монография Р. М. Касимовой содержит описание больших серий черепов, добытых азербайджанскими археологами при раскопках в Мингечауре и в прилегающих к нему районах. В распоряжении Р. М. Касимовой было более 200 черепов разных эпох — от X—VIII вв. до н. э. до XIV—XVII вв. н. э. Распределение материала неравномерно. Население некоторых эпох может быть охарактеризовано лишь на основании рассмотрения единичных черепов. Тем не менее материал, являющийся первым с территории Азербайджана (если не считать нескольких черепов из каменных ящиков, опубликованных А. А. Ивановским¹), создает довольно четкое представление о динамике признаков во времени и может быть сопоставлен с сериями, добытыми при раскопках могильников в прилегающих областях. Это облегчается четким обзором археологических памятников Мингечаура, в котором содержится краткая, но относительно полная характеристика могильников, из которых происходит исследуемый материал (стр. 10—15). Наконец, сам материал документирован с необходимой тщательностью в таблицах индивидуальных данных и средних по сериям, включающих также и нужные параметры изменчивости. Морфологический тип черепов иллюстрирован рисунками и фотографиями, качество которых, к сожалению, невысоко. При демонстрации различий между сериями, относящимися к разным векам, широко использованы графические приемы воспроизведения наблюдаемой разницы.

Какова типологическая характеристика серий разного времени? Опуская рассмотрение черепов X—VIII вв. до н. э., число которых слишком мало для определенного суждения, переходим к более многочисленной серии VII—V вв. до н. э. Она характеризуется очень крупными размерами и массивностью черепной коробки, сравнительно большими размерами и очень резкой профилировкой лицевого скелета, сильным выступанием носовых костей. Таким образом, черепа этого времени сохраняют некоторые особенности протоевропеонидного типа.

Черепы более позднего времени (IV в. до н. э. — III в. н. э.) отличаются, наоборот, исключительно узколицестью и занимают по этому признаку место, близкое к мини-

¹ А. А. Ивановский, По Закавказью (археологические наблюдения и исследования 1893 и 1896 гг.), «Материалы по археологии Кавказа», вып. VI, М., 1911.

мальным величинам европеоидной расы. Скуловой диаметр определен на восьми мужских черепах. В предшествующей серии он определен на шести мужских черепах. Масштаб различий по другим признакам не соответствует их величине по скуловому диаметру. Весьма вероятно, что различия по ширине лица являются результатом случайного подбора черепов с разной величиной скулового диаметра из разновременных погребений.

Следующий этап — катакомбные погребения — охватывает период времени с I по VII в. н. э. К сожалению, археологический материал не позволяет произвести более подробной хронологической разбивки погребений этого времени. Поэтому обширный палеоантропологический материал из катакомбных погребений по необходимости рассмотрен суммарно и подразделен только по степени выраженности искусственной деформации черепной коробки. Но даже недеформированные черепа достаточно многочисленны, чтобы составить по ним определенное представление об отличительных особенностях этой серии. Она имеет, так же как и предшествующие, крупные размеры черепной коробки, характеризующейся удлинненной формой. Эти черты в сочетании с сильно профилированным лицевым скелетом и резким выступанием носовых костей обуславливают сходство черепов катакомбного этапа с сериями эпохи раннего железа. Правда, скуловой диаметр мужских черепов катакомбного этапа заметно меньше, чем черепов из грунтовых погребений VII—V вв. до н. э., но при сопоставлении женских серий разница почти стирается. Таким образом, население древнего Мингечаура, хоронившее своих покойников в катакомбных могилах, по-видимому, относилось к тому же антропологическому типу, что и население эпохи раннего железа. Различия между сериями по скуловому диаметру можно объяснить как результат действия причинно неясного, но определенно направленного процесса грацилизации.

Своеобразные черты обнаруживают черепа из христианских погребений VII—IX вв. и мусульманских могил XIV—XVII вв. Они отличаются круглой формой черепной коробки и большой шириной лица. Появление этих особенностей не связано с проникновением монголоидной примеси. Величина черепного указателя в этих сериях не меньше, чем на черепах современных армян. Аналогичные величины характерны и для современного населения ряда районов Азербайджана, особенно тех, где детей прибинтовывают к деревянной колыбели «бешик». Отличия черепов из христианских и мусульманских погребений от более ранних серий настолько очевидны, что с трудом можно допустить мысль о генетической преемственности населения эпохи раннего железа и населения конца I и II тысячелетия н. э. Правда, такую возможность допускает М. Г. Абдушелишвили² по отношению к населению Грузии, но там это оправдано наличием постепенных переходов от морфологического типа населения древних эпох к типу современных грузин. В Азербайджане же антропологический тип резко изменяется на протяжении двух столетий. Очевидно, что это явление связано с проникновением нового населения.

К этому выводу и приходит Р. М. Касимова. Она сопоставляет черепа из христианских и мусульманских могил с сериями из поздних погребений Синалка (Иран) и древних брахмическими черепами с территории Северного Кавказа (стр. 67—69, 73). Однако следует иметь в виду то обстоятельство, что сходные типы обнаружены и в сарматских могильниках Нижнего Поволжья и Украины, т. е. далеко к северу от районов Кавказа. В связи с гипотезой Г. Ф. Дебеца³ о северных аналогиях кавказского типу большое сходство черепов из христианских и мусульманских погребений Мингечаура с сарматскими представляет известный интерес.

Любопытным фактом является отсутствие разницы между сериями VII—IX и XIV—XVII вв. По-видимому, в эпоху средневековой смена религии в Азербайджане в гораздо большей степени была связана с культурным влиянием, чем с проникновением на территорию Азербайджана нового населения.

Обстоятельное сопоставление палеоантропологических данных с результатами исследования современного населения почти невозможно из-за отсутствия краниологических данных по современным азербайджанцам. Произведенное Р. М. Касимовой сравнение средних по сериям из христианских и мусульманских погребений Мингечаура с соответственно уменьшенными измерениями современных групп привело ее к выводу о том, что тип, характерный для средневекового населения, в настоящее время распространен среди азербайджанцев Алазанской долины (Закатала, Кахи) (стр. 74—75). В общей форме этот вывод, по-видимому, верен. Однако способ сопоставления, на основании которого он сделан, довольно условен. Различия по скуловому диаметру между средневековым и современным населением Алазанской долины также требует специального объяснения при принятии гипотезы о генетической преемственности между ними. Следует пожелать, чтобы сбор материалов по краниологии современного или близкого к современности населения был непременно включен в план работ по изучению антропологии азербайджанского народа.

В заключение следует остановиться на произведенном Р. М. Касимовой исследовании влияния искусственной деформации на изменение морфологического типа и,

² М. Г. Абдушелишвили, Об эпохальной изменчивости антропологических признаков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, 1960.

³ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Дагестане, «Антропологический сборник» I. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXIII, М., 1956.

в частности, лицевого отдела черепа (стр. 42—55). Обширный материал из могил такого типа позволил — при разбивке черепов по степени выраженности искусственной деформации черепной коробки — получить достаточно представительные серии. При характерной для этого времени кольцевой деформации деформированные черепа отличаются от недеформированных более уплощенным переносием, несколько большей величиной лица и глазниц. Слабо деформированные черепа занимают промежуточное положение между недеформированными и сильно деформированными. По всей вероятности, деформация черепной коробки действительно изменяет лицевой скелет в этом направлении. Повторяемость различий на другом материале была бы лучшим доказательством их реальности. К сожалению, такой материал пока отсутствует.

Значение всех перечисленных проблем, возникающих в связи с публикацией Р. М. Касимовой, далеко выходит за рамки антропологии Азербайджана. Это интересное и ценное исследование, существенно обогащающее наши знания об антропологических типах древнего населения Кавказа.

В. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.* (Историко-этнографические очерки). Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LXIX. Отв. ред. В. Б. Луцкий, М., 1961, 223 стр.

Книга А. И. Першица является первой в СССР монографической работой, посвященной хозяйству и общественно-политическому строю Северной Аравии, т. е. территории, на которой к началу 1930-х годов сложилось Арабское Саудовское королевство. Она представляет собой капитальное, основанное на марксистско-ленинской методологии хорошо продуманное исследование социально-экономической предистории Саудовской Аравии. Воссоздание этой предистории — основная цель рецензируемой книги. В то же время, как указывает во введении автор, «исследователь хозяйственного и общественно-политического строя Северной Аравии неизбежно сталкивается с рядом историко-этнографических проблем. В числе их — выяснение причин длительного сохранения здесь значительных остатков патриархально-родового и патриархально-рабовладельческого строя, особенностей форм собственности и общественных отношений в среде кочевого и оседлого населения, особенностей политической организации племен, племенных союзов и феодальных эмиратов и т. п. Все это — различные стороны общей проблемы о сущности патриархально-феодальных отношений в скотоводческом кочевье и оседлом оазисе, разработка которой на материалах Северной Аравии является второй основной целью настоящих очерков» (стр. 2).

Нам представляется, что как цели, поставленные автором, так и географические и хронологические рамки работы правильны и совершенно оправданы.

Книга открывается введением, большая часть которого посвящена характеристике источников. Автор привлек весьма широкий круг материалов: описания путешествий, фольклорные данные, сообщения арабской прессы, систематически публиковавшиеся в «*Oriente moderne*», сборники дипломатических документов, меуары и ряд сводных работ о Саудовской Аравии на европейских языках. Особенно полно использованы труды западноевропейских путешественников по Аравии: список использованных работ можно признать исчерпывающим. Нужно, однако, пожалеть, что, давая во введении характеристику этой группы источников, автор ограничился лишь фамилиями путешественников, датами, маршрутами и целями их поездок по стране. На наш взгляд, следовало дать развернутый анализ ряда работ, например высоко оцененных академиком И. Ю. Крачковским трудов крупного финского востоковеда Г. А. Валилина.

Как известно, русские путешествия по Аравии, в отличие от западноевропейских, насчитываются единицами. Автор приводит данные из работ коннозаводчиков О. А. и А. Г. Щербатовых и С. А. Строганова, штабс-капитана Давлетшина. Все же список этих работ можно было бы пополнить. В 1862 г. в Казани были изданы «Путевые заметки двух хаджеев»¹. В 1893 и 1895—1896 гг. в Хиджазе побывали и оставили свои путевые воспоминания Хаджи Салим Гирей Султанов² и Ш. Ишаев³, в работах которых содержатся интересные данные о хадже, мекканском невольничьем рынке и т. п. Описанию Джидды и Ямбо посвятил несколько заметок побывавший там А. В. Елисеев.

Попутно отметим, что хотя русские путешественники, кроме паломников, в Аравии почти не бывали, тема об Аравии издавна не была чужда русской литературе.

¹ И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, М.—Л., 1958, т. V, стр. 43. Нам до сих пор не удалось разыскать этой книги.

² «Землеведение», 1901, т. VIII, стр. 85—144.

³ «Среднеазиатский вестник», 1896. ноябрь, стр. 60—81, декабрь, стр. 45—83.